

**РУССКИЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ ВОЖДЬ
ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ ФАШИСТСКОМУ ОБРАЗЦУ:
ИДЕЙНЫЕ УСИЛИЯ П. Б. СТРУВЕ
И И. А. ИЛЬИНА В 1925–1926 ГОДАХ**

Модест Алексеевич Колеров

Кандидат исторических наук,
главный редактор информационного агентства REGNUM.
Российская Федерация, 119072, Москва,
Берсеневский пер., д. 2, стр. 1.
E-mail: kolerovm@gmail.com

Аннотация. 1924–1926 годы оказались насыщенными в жизни русской эмиграции: на это время приходится создание газеты «Возрождение», споры о возможном правопреемстве русской императорской власти, подготовка и проведение Российского зарубежного съезда, долженствовавшего консолидировать российских изгнанников, снять партийные противоречия и политические разногласия для борьбы с коммунизмом. В идеологии эмигрантских кругов того времени появилось новое звено — это тема итальянского фашизма, его легитимности и перспективности с точки зрения победы над советской властью. Основными авторами, выступившими с апологией фашизма, стали И. А. Ильин и П. Б. Струве. Анализ их публикаций на страницах «Возрождения» позволяет видеть, как отечественные мыслители изыскивали все возможные ресурсы для достижения основной цели. Подлинная эмигрантская «первая любовь» к фашизму Муссолини — исторический факт. Контекст, специфика и мотивы этой «первой любви» служат предметом настоящих заметок.

Ключевые слова: Б. Муссолини, итальянский фашизм, диктатура, И. А. Ильин, П. Б. Струве, династия Романовых, газета «Возрождение», Российский зарубежный съезд

Ссылка для цитирования: Колеров М. А. Русский монархический вождь по итальянскому фашистскому образцу: идейные усилия П. Б. Струве и И. А. Ильина в 1925–1926 годах // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2020. Т. 3, № 4. С. 48–80.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-48-80

В начале 1920–1930-х годов на европейской сцене появились многочисленные крайне националистические движения, которые в аграрных странах привели к установлению диктатур или авторитарных формальных демократий как принципа устройства *национальных государств* (сообразно с масштабами стран, вдохновленных империалистическими целями). Так произошло в Польше, Румынии, Венгрии, Финляндии, Литве, Латвии, Эстонии, Португалии, Австрии и т. п. Причем итальянский фашизм и германский национал-социализм были проникнуты высшим мессианством и империализмом. Государственная риторика повсеместно была ориентирована на истребительную войну против мирового коммунизма. И поэтому в русской антикоммунистической эмиграции вплоть до начала Второй мировой войны (русские интеллектуалы, сотрудники воюющего Третьего рейха, — отдельная тема) подобные идеологемы *всегда* находили солидное количество поклонников и последователей. Известны симпатии Д. С. Мережковского к Б. Муссолини, известны симпатии русской политической эмиграции к Ю. Пилсудскому, не являются секретом профашистские симпатии И. А. Ильина и П. Б. Струве. Их причина, однако, затмевается зримыми и значимыми фактами прямого сочувствия фашизму и нацизму, детально документированными, например, в подготовленном Ю. Т. Лисицей собрании сочинений И. А. Ильина (1883–1954) и в авторизованном Н. А. Струве переиздании «Дневника политика» (1925–1935) П. Б. Струве (1870–1944). Внук Петра Струве Никита Алексеевич, в подростковом возрасте заставший его, вспоминал, желая объяснить увлечение деда фашизмом: «...я не помню, чтоб он так же непосредственно [как победам англичан в Африке. — М. К.] радовался победам советских войск, так как предчувствовал, что они укрепят коммунизм. Дед имел обыкновение повторять: “...Большевизм и его порождение гитлеризм в один мешок” — и даже считал, что взятие немцами Москвы может сокрушить режим, но не помешает конечному разгрому нацистской Германии. <...> П. Б. Струве <...> слава Богу, не дожил до окончательного крушения Гитлера. Ялтинский договор, наивность Рузвельта, бессилие его героя, Черчилля, распространение большевизма на всю Восточную Европу повергли бы его в уныние» (Струве Н. А., 2004: 6).

Похоже, что именно враждебность столь антикоммунистически полезного Гитлера к Западу (Англии и Франции) и служила главной причиной недоверия к нему со стороны Петра Струве (однако этого не скажешь об отношении к фашизму в Италии). Авторитетнейший исследователь Струве Ричард Пайпс далеко не реабилитирует пронацистские высказывания своего героя, когда цитирует письма Струве 1939 года к В. А. Маклакову и Н. А. Цурикову соответственно 5 сентября и 7 декабря. То есть письма, написанные не после Мюнхенского соглашения Запада с Гитлером осенью 1938-го и не после одобренных Западом аншлюса Австрии и уничтожения Чехословакии гитлеровской Германией весной 1939-го,

а лишь после нежелательного для Запада мирного договора Германии и СССР и начала Второй мировой войны: «Идеологически, т. е. социально и политически, Ленин и Сталин с их большевистским режимом и Гитлер и Муссолини с их режимами, несмотря на различие тактики и даже видимых политических целей, представляют не только родственные, но и прямо тождественные по основному смыслу явления. Ленин родил Гитлера и гитлеризированного Муссолини» (Пайпс, 2001: 535–536).

Генетически пронацистские симпатии, более явные у Ильина и менее явные, но существовавшие у П. Струве, прямо восходят к их увлечению итальянским фашизмом (хронологически еще не союзным гитлеровскому нацизму) и потому не являются случайными, ситуативными, недолговечными. Подлинная эмигрантская «первая любовь» к фашизму Муссолини — исторический факт. Ее контекст, специфика и мотивы служат предметом настоящих заметок.

Монархизм и программа диктатуры

Русские монархисты в 1920-х пережили принципиальный раскол, повлиявший на процесс консолидации правомонархических сил: освободилось пространство для идеи нового объединения, обозначилась программа антикоммунистической реставрации. Усилия правой части эмиграции — самое ценное в их идейно-политическом наследии.

Ситуация возникла из-за того, что 31 августа 1924 года склонный к нарциссизму и авантюризму двоюродный брат Николая II великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938), незадолго до этого создавший Корпус Императорской армии и флота, объявил себя Императором Всероссийским Кириллом I. На следующий же день, 1 сентября 1924 года, на основе русской армии, эвакуированной из Крыма, был создан Русский общевоинский союз (РОВС) с главнокомандующим П. Н. Врангелем. Врангель напрямую отверг притязания Кирилла Владимировича. Решение великого князя не получило поддержки и среди Романовых, включая внука Николая I, бывшего верховного главнокомандующего в 1914–1915 годах, великого князя Николая Николаевича (младшего) (1856–1929). Врангель признал верховенство Николая Николаевича, и тот вскоре, 16 ноября 1924 года, формально возглавил РОВС. В отличие от Кирилла Владимировича, он в публичных действиях отличался рациональностью и вниманием к практике, не спешил участвовать в династических интригах и оставлял вопрос о восстановлении монархии на решение народа будущей, посткоммунистической России.

При этом еще до выступления Кирилла Владимировича представители военных, монархистов и правых либералов (из основанного в июне 1921 года Русского национального комитета (РНК) во главе с А. В. Карташевым и с руководящим участием П. Б. Струве, С. С. Ольденбурга и Ю. Ф. Семенова) в 1923–1924 годах

и собственно монархистов в 1925 году провели интенсивные совещания по формированию единой политической платформы, ориентированной на лидерство Николая Николаевича (Котенко, Домнин, сост., 2006: 15–200, 213–246).

По итогам правомонархических совещаний на Пасху 1924 года Николай Николаевич выступил с декларацией, показавшей его государственным деятелем, стоящим выше партийных различий и пропагандистских лозунгов. Выраженные в ней принципы остались неизменными до конца его жизни. Он изложил в своем первом в жизни интервью целостную программу:

«Мы не должны здесь, на чужбине, предрешать за русский народ коренных вопросов его государственного устройства. Они могут получить разрешение только на русской земле в согласии с чаяниями русского народа. <...> Сейчас Россией правит партия во имя интересов классовых и интернациональных. На смену ей должна прийти власть национальная, внеклассовая и внепартийная. Эта власть должна быть твердой и сильной и в то же время справедливой и просвещенной. Она должна стать на охрану священных прав личной и гражданской свободы, собственности, правопорядка. Прекращение классово- и национально-ненависти, предотвращение насилия одних над другими и всякого рода самоуправства, предоставление народам, входящим в состав Российского государства, права свободного развития их национальной жизни — вот главные начала, которые должны быть положены в основу возрождения России. <...> Взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено было в начале революции, невозможно. На прошлом надо поставить крест, но с минуты водворения новой власти всякое новое посягательство на чужую собственность, на чужие права, всякое насилие должно быть пресекаемо самыми решительными мерами» (Романов Н. Н., 1924: 201–203)¹.

Николай Николаевич детализировал ряд тезисов, а именно — аграрный, рабочий вопросы и перспективу антисоветской интервенции:

«Развитие аграрного вопроса предусматривается в новой форме, которая вполне учитывает тяжелый опыт Гражданской войны и неудачи белых движений, не желавших считаться с этим опытом. <...> Новая власть поставит своею задачею улучшение положения рабочих и ограждение их интересов самым действительным образом —

¹ Эта декларация, несомненно, была плодом большой коллективной работы, поэтому оказалась революционной для монархистов в части аграрного вопроса, решение которого восходило к правительству Врангеля и позиции Струве и Карташева. При этом «император» Кирилл Владимирович высказывался на этот счет невнятно, оставляя простор для ревизии и реставрации дореволюционных порядков: «В настоящее время крестьяне владеют землею в большем размере, чем они могут обрабатывать. <...> Может быть, земельный вопрос можно было разрешить таким образом, что каждый крестьянин получит столько земли, сколько он и его земля смогут обработать» (Романов К. В., 2006: 269).

законом, и притом надежнее, чем это сделано теперь в “рабоче-крестьянской” республике. Великий князь не верит в возможность изменить существующее в России положение путем новых внешних выступлений и интервенций» (Андогский, 2006: 206–207)².

Программа Николая Николаевича и стала консенсуальной платформой, с которой выступили монархические и правые круги, поставившие целью политическое объединение консервативной части антисоветской русской эмиграции и для этого начавшие в 1924 году подготовку Российского зарубежного съезда.

При этом с 1922 года русские правые и консервативные политические деятели эмиграции, одновременно с советскими идеологами (Мещеряков, ред., 1923), обратили внимание на ситуацию в Италии, где победил фашизм. Известный правый деятель В. В. Шульгин писал знаменитому либералу, бывшему российскому послу в Париже и тайному масону В. А. Маклакову 10 декабря 1924 года, делая мечтой о диктатуре, которая соединила бы принципы фашизма и монархии:

«Вы изволили несколько сурово и даже односторонне отозваться о так называемых “революционерах справа”. Вы правильно изволили сравнить некогда существовавший “Союз Русского Народа” с нынешними фашистами. <...> К сожалению, не нашлось в нашей русской действительности лица, подобного итальянскому Муссолини. А Петр Аркадьевич Столыпин, во многих отношениях его напоминавший, всецело занялся упорядочением аппарата правительственного и посему, конечно, не успел создать контрфорса, если смею так выразиться, справа, который развил бы в политической борьбе ту же свирепую лютость, каковую обнаружили революционеры слева» (Будницкий, публ., 2012: 211–212).

Шульгин, в 1917 году непосредственный участник отречения Николая II, также вел речь о единстве личной власти и свержении монархии в России. Описывая отречение брата Николая II Михаила Александровича после отречения императора, он провел последовательность общего отречения династической очереди Романовых от престола, *если бы оно стало на деле вопросом повестки дня*, в частности — предполагаемого отречения Кирилла Владимировича и т. д., после чего очередь дошла бы до великого князя Николая Николаевича... Это значит,

² Ср.: «Освобождение русского народа от власти большевиков может прийти только от самого Русского народа, хотя иностранная интервенция могла бы легко низвергнуть большевистское правительство, но это дорого обошлось бы Русскому Народу» (Романов Н. Н., 1925: 1). При этом, при всех оговорках, Струве в то время был сторонником интервенции, лишь бы она помогла свергнуть большевиков. Отступал от идеи интервенции Струве медленно: «Освобождение России <...> не может быть осуществлено извне, а должно быть делом соединенных усилий всех активных патриотов как Внутренней, так и Зарубежной России. Оно должно быть совершено под водительством сильной Правительствующей Власти» (Струве П. Б., 1925с).

что в монархические расчеты почти с самого начала не входила прямая аналогия между правящим Муссолини и изгнанником Николаем Николаевичем. Но, как мы увидим далее, далеко не всем различие было понятно. Вернее, не все правые деятели русской эмиграции дали себе труд различить переворотчика при короле (Муссолини) и потенциального монарха (Николая Николаевича). Первыми и главными, кто начал фактически настаивать на аналогии между Муссолини и великим князем, были Струве и Ильин. Неофитский монархизм Струве и Ильина носил скорее вождистский и диктаториальный характер, и потому соединение монархизма с вождизмом на фоне итальянского фашизма неизбежно подчиняло политический образ Николая Николаевича образу Муссолини, лишь отчасти подвергнувшись критике у Струве³ и совершенно апологетическому и иконописному у Ильина. Старые монархисты этого не могли не видеть, и аналогия Струве и Ильина была политически тщетна.

Газета «Возрождение»: монархическая задача и апология фашизма

Видный предприниматель и благодетель русской эмиграции на протяжении длительного времени, член руководства эмигрантского Российского торгово-промышленного и финансового союза А. О. Гукасов (1872–1969) 3 июня 1925 года начал издание крупной русской ежедневной газеты в Париже. Ее назвали «Возрождение», а в качестве первого главного редактора Гукасов нанял Струве, предоставив ему практически полную независимость. Собственно, в главном и не могло быть разногласий. Нет сомнений, что главной и ближайшей политической задачей стало объединение правой части политической эмиграции, подготовка и проведение Зарубежного съезда. В этом контексте совершенно определенно решался вопрос, что официальным вождем должен стать великий князь Николай Николаевич. Еще 26 декабря 1923 года Карташев, за два года до этого придя к монархизму (Котенко, Домнин, сост., 2006: 112), высказался определенно: «Самый съезд предназначен для определенной цели — подкрепить и выявить единение эмиграции около великого князя» (Там же: 121). А Струве еще весной 1923 года гневно опровергал утверждение о его монархизме: «Я никогда не ставил “знака равенства” ни между отечеством и собственностью, ни между отечеством и монархией. <...> Для таких же “черносотенцев”, как пишущий эти строки, ни монархия, ни республика не являются “отечеством”, и для них отечество было и будет при всех политических условиях, ибо носим его в своих душах и в своей воле»⁴.

³ Струве, в отличие от Ильина, полностью зачарованного Муссолини, вполне понимал угрозу фашизма. Он неоднократно говорил, что если итальянская монархия окажется неудобна фашистской диктатуре, та без сожаления от нее избавится. Указание самого Струве на то, что именно он был автором передовиц «Возрождения», см.: (Струве П. Б., 2004: 25).

⁴ ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л.: 6, 99об.

Однако вскоре РНК ради союза с монархистами осуществил резкий политический крен: уже в сентябре 1924 года, выступая на конференции Русского национального союза в Париже, Струве сформулировал, что республиканская идея в России «лишена национального смысла», и, кажется, впервые публично присягнул монархизму (Струве П. Б., 1924: 63), но, очевидно, не получил в РНК достаточной поддержки, кроме как у Карташева⁵. Надо признать, что и для самого Струве такой крен был, очевидно, искусственным, «головным». Так, поступив в 1920 году в белое правительство генерала Врангеля в Крыму на должность главы дипломатии, он объявил, что «будущее государственное устройство» будет установлено по «свободному и правомерному волеизъявлению народа» Учредительным собранием, основано на «признании федеративного начала как начала объединения и устройства России», а аграрный вопрос надо «решить в пользу крестьянства на основе легализации фактических отношений, созданных аграрной революцией» — «утверждение частной собственности мелких земледельцев» (Струве Г. П., публ., 1971: 109–111). Готовность признать итоги аграрной революции звучала и в выступлении Карташева на правомонархическом совещании 19 января 1924 года, которое воспроизводило программу правительства Врангеля и в протоколе было зафиксировано так:

«*Карташев* говорит, что неизбежность оставления в руках крестьян обрабатываемой ими земли понимается эмиграцией и эту мысль надо высказать громко, как залог примирения сословий в аграрном вопросе. Это заявление нужно ради политических и агитационных целей. Поэтому надо или вовсе умолчать о земле, что очень трудно, ибо крестьянин боится еще, что вернувшийся барин будет отбирать землю, или сказать открыто, что насильственного отбирания не будет» (Котенко, Домнин, сост., 2006: 155).

В ходе упомянутых правомонархических совещаний стала предметом консенсуса уже существовавшая идея присвоения Николаю Николаевичу неформального политического титула Верховного Вождя (Там же: 215). Вокруг фигуры потенциального главы постбольшевистского государства планировалось создать протогосударственную инфраструктуру с максимально возможными средствами и полномочиями «правительства России в изгнании». Утопичность надежд обнаружилась вскоре. Проблема политического объединения и политического лидерства становилась все острее (Черемухин, 2018: 153–184).

⁵ Более того: исследователь детально установил, что еще в 1921 году, выступая в лагере эвакуированной белой армии в турецком Галлиполи и совершая лекционный обезд мест расселения русских эмигрантов, Карташев фиксировал отсутствие у себя монархических настроений, а у военных — настроения «непредрешения» в деле государственного устройства в будущей России: «Никто не поет “Боже, царя храни”. Нет проклятий ни революции, ни народу. Нет мстительности. Господствующее настроение — с совершившимся фактом. В основе же всеми признается воля народа. Никто не намеревается ее предвосхищать» (Самовер, 1998: 353–354).

Пользуясь реальной редакторской свободой, Струве приложил усилия, чтобы подкрепить идею вождизма апелляцией к опыту итальянского фашизма, которая, как выше было сказано, уже в 1923 году стала специфической чертой политики РНК. Надо сказать, что в ходе правомонархических совещаний 1923–1925 годов тема фашистского опыта практически отсутствовала, и единственный, кто поставил ее *ad hoc*, был близкий к Карташеву и Струве Г. Н. Трубецкой (Там же: 83; Котенко, Домнин, сост., 2006: 199). И вот Струве поднял и повел в газете тему фашизма, сосредоточив на его прославлении все идейно близкие силы. Особенно выделялся Ильин: ему Струве заказал серию тематических статей. Ильин сделал фашизм в период подготовки Зарубежного съезда ядром своей проповеди. Видимо, он всерьез полагал, что лидер фашизма Муссолини должен стать образцом вождя для русских.

Последовательная и навязчивая (в сравнении с равнодушием русских монархистов) увлеченность Струве фашизмом была в исторической перспективе столь неумеренна, что ее не смог разделить даже биограф Струве, фактически замолчавший фашистское лицо газеты. Пайпс так писал о пропаганде Струве — и можно видеть, насколько далеко от реальности его признание:

«В период редакторства Струве [то есть в 1925–1927 годах. — М. К.] “Возрождение” занимало осторожную, но в целом довольно дружественную позицию по отношению к итальянскому фашизму. Со страниц газеты Шульгин защищал фашизм как единственное эффективное средство противодействия коммунистическим “преступникам”, а в редакционных статьях превозносились достижения Муссолини. Но наряду с этим появлялись и другие статьи, к примеру, материалы Зайцева, предостерегавшие от некритического восхваления Муссолини и фашизма в целом. <...> Сам Струве был более осторожен в данном отношении. Он не сомневался в том, что фашизм способен эффективно противодействовать коммунизму и в этом качестве весьма полезен. Но одновременно он подмечал скрытое сходство двух течений: каждое стремилось к предельной “рационализации” жизни» (Пайпс, 2001: 510–511).

Однако сотрудник редакции газеты, выступавший под псевдонимом *Обозреватель* (С. С. Ольденбург), известный, напротив, горячим монархизмом, прямо писал, что сотрудники редакции всегда открыто и недвусмысленно, без демократических предрассудков, выражали симпатии фашизму с его пафосом сильной национальной власти. Лицемерие биографа по поводу пропаганды (вовсе не «осторожной»!) фашизма в газете, инициированной, несомненно, *лично* Струве, более чем красноречиво.

Апология (с ничтожными оговорками) фашизма в газете Струве разворачивалась на историческом фоне многочисленных фашистских переворотов в Ев-

ропе, ряда коммунистических восстаний 1923–1924 годов, подавленных в Германии, Эстонии, Болгарии и др., установления в 1920–1930-х годах целой вереницы этно- и националистических диктатур. Перед глазами русской эмиграции были аналогии вождизма: после октября 1922 года, когда Муссолини пришел к власти в Италии, его примеру последовал в сентябре 1923 года М. Примо де Ривера в Испании, а в июне-июле 1926 года, вдохновившись образцами Италии и Испании, — М. ди Оливейра Гомиш да Кошта в Португалии. К 1922 году сложилась автократия М. Хорти в Венгрии, в 1926 году были установлены диктатура Пилсудского в Польше и А. Сметоны в Литве и т. п. Струве писал об этом как о проявлениях «кризиса парламентарной демократии» (по-видимому, освобождающего от демократических институтов): «Еще раз исход из спора за власть находится путем прямого действия: после Италии, Испании, Греции, Турции Кемаль-паши, после диктатуры Стамболийского и его низвержения, после “красной Венгрии” и регентства Хорти» (Струве П. Б., 1926b: 1). И поэтому приветствовал репрессивное антикоммунистическое и фашистское правительство Александра Цанкова (1923–1926) в Болгарии как главный оплот против коммунизма на Балканах. Струве торопился найти долгосрочные основания для правой диктатуры: «на Западе <...> неуклонно происходит здоровый возврат к консервативным» (Струве П. Б., 1925b: 1). Так же легко, одним риторическим усилием, он снимал проблему важнейшей для него либеральной ценности *свободы лица* при правящем фашизме:

«Проблема диктатуры стоит сейчас в центре современных политических событий и политических размышлений. Русские доктринеры демократии считают диктатуру злоумышленной выдумкой реставрационных кругов, прикрывающих до времени этим фиговым листком свою “монархическую” сущность, и склонны признавать Муссолини и Примо де Ривера насильниками, принципиально мало чем отличающимися от большевиков. <...> В таких условиях парламентаризм должен быть устранен. Не потому что он плох, а потому что он в данное время не справляется с задачей *самосохранения буржуазной государственности*. <...> Парламентаризмом приходится жертвовать в условиях, когда только диктатура способна охранить основную и вечную устоя либерального мировоззрения — *свободу лица*. Муссолини и Примо де Ривера, поскольку они так ставят свою задачу, могут быть названы не разрушителями, а охранителями современного правового государства» (Струве Петр, 1925j: 1).

Однако Струве ни здесь, ни позже ни единым примером или словом так и не указал: *как именно эти диктатуры защищают свободу лица?*

Когда изнутри редакции «Возрождения» зазвучали растущие сомнения в образцовости режима Муссолини, Струве не мог не реагировать. Между правой

русской критикой фашизма и равнодушием монархистов Струве со своей апологетикой оставался наедине с яркой профашистской позицией Ильина, цену которой Струве, несмотря на публичные комплименты, хорошо знал. Еще недавно он самодовольно отмахивался от критики фашизма. Но ситуация изменилась. Среди его собственных ближайших сотрудников появились сомнения, так ли уж хорош фашизм в исторической перспективе. Активный участник Гражданской войны в рядах белых, яркий публицист Н. А. Цуриков писал: «Мне страшно, что увлечение фашизмом приведет к забвению и небрежению ценностями правового строя, я должен прежде всего <...> осознать <...> причины того, что в представлении большинства из демократического тупика, не спасающего от коммунизма и социальной пропасти, выход один — фашизм» (Цуриков, 1925: 2).

Еще более близкий сотрудник Струве, К. И. Зайцев, на главном месте в газете — в левом верхнем углу первой страницы, выступил, осветив разногласия в самой газете вокруг фашизма, оперируя формулой *зла коммунизма* (в формулировке узнавался Ильин):

«В замысле и практике фашизма заключен опасный уклон и роковые возможности <...> Когда внутренне оправдан прорыв или даже взрыв легального демократического режима? Когда это нужно во имя охранения основ гражданственности. Под этим углом зрения надлежит относиться и к фашизму. <...> Может быть, это неизбежно в целях ухода от зла худшего и неизбежного, зла абсолютного — от зла коммунизма, но не нужно тогда утопических розовых стилизаций этого явного ущемления гражданской жизни. В чем же это умерщвление выражается? Фашизм, прежде всего, есть правление меньшинства. <...> Правление меньшинства вызывает к жизни и делает нормальным иной порядок смены власти — гражданскую войну и государственный переворот. <...> Может быть, с точки зрения некоторых, и это необходимо, чтобы избежать коммунизма. Но нельзя же не признавать, что тут налицо огромное ущемление личной свободы и личного равенства, знаменующее сумерки культуры права [sic]» (Зайцев, 1925b: 1).

Иван Ильин услышал косвенно обращенные к нему слова Зайцева и разразился апологетической статьей, демонстрируя совершенно не критическую зачарованность Муссолини. Теперь он выступил в защиту правления *меньшинства*, забыв об общенациональном и антипартийном мифе фашизма и о собственной, буквально вчера произнесенной в том же «Возрождении» проповеди «общенародности», упакованной в специально для того изобретенный (и также забытый) «младомонархизм» (Ильин И. А., 1925с: 1): «Русская интеллигенция девятнадцатого и двадцатого века <...> мечтала о “революции”, о “свободе”, о “равенстве” <...> Вы не думали, что революция означает буйство, свирепость и кровь? Что

свобода поведет через разнуздание к небывалому рабству? Что равенство нужно только тем, кто хочет неравенства в свою пользу? <...> Что правление большинства — это унижение и разорение России?» (Ильин И. А., 1925b: 2).

Ильин продолжал в том же духе, по ходу дела превращая монархическую власть лишь в регистратора воли Муссолини, что не могло не дезавуировать усилия газеты по прославлению Николая Николаевича, который был носителем монархического начала и вовсе не претендовал на роль Муссолини: «Италия переживает период революции и гражданской войны. <...> Надо это усвоить и помнить: резня остановлена диктатурой, а диктатура санкционирована королем. <...> Властной рукою Муссолини сдерживает гражданскую резню; следовательно — надо ждать осиных нападений» (Ивер, 1925a: 2).

Масонская тема не только прямо затрагивала итальянские события, но и касалась такого значительного деятеля правых, как Карташев, масона и создателя орденового Братства святой Софии, куда с 1918 года (с возобновлением в 1923-м) входили все веховские политики и мыслители, включая Струве и С. Н. Булгакова (Колеров, 1994, 1997, 2020b, 2020d), но не был приглашен Ильин. Он же, нащупав эту тему, впадал в особый публицистический раж: становился адвокатом, оправдывал, воспевал, приписывал моральное содержание фашизму, указывал на «масонский» характер тех, кто выступал против итальянского фашизма и за демократию, отвергал соблюдение «форм», буквально учил Струве политике, при этом не имея ни единого дня собственного политического опыта:

«Политика имеет свое, особое мерло: спасительны или гибельны для Италии возвышение фашистов и диктатура Муссолини? И, может быть, было бы умнее и глубже судить о государственном человеке не по размеру тех политических компромиссов, через которые он перешагнул на своем пути, а по искренности его патриотизма, по силе его воли, по зоркости его политического взгляда и, главное, по национально-государственным последствиям его правления. Во всяком случае перед нами столкновение двух стихий: фашистской, подобной огню, и масонской, подобной воде. Фашизм есть стихия национального каления, патриотической страсти и исключительности, он горит, шумит, бурно распространяется и зажигает огни на алтарях. Он, как лава Везувия, вытекает за пределы, многое сжигает и во время извержения не блюдет граней и форм. <...> Напрасно было бы думать, что фашизм “аристократичен”, а масонство “демократично”... Нет, оба течения, организуясь каждое по-своему, стремятся создать свою, особую, новую “элиту”, новый отбор, как бы слой людей, своих людей и поставить их же к власти» (Ивер, 1925b: 2).

Именно так: «горит, шумит и бурно распространяется». Именно так: еще не забытый от недавнего многолетнего заискивающего общения с евразийцами —

«отбор». Но Зайцев, тонко почувствовавший невротический характер проповеди Ильина, продолжал говорить в защиту главной ценности, на что поклоннику фашизма Ильину нечего было ответить: «За разговорами и спорами о *чужом* фашизме вздымается во весь рост огромный *русский* вопрос: — Как мы, белые, относимся к *личной* свободе и к возвращенной на западноевропейской почве *культуре* права? Что это — *ценность* или *ненужность*?» (Зайцев, 1925а: 2).

Итак, когда мировая пресса (допустим, сплошь социалистическая, либеральная и масонская, как указывал Иван Ильин) наполнилась свидетельствами, что *свобода лица* точно так же уничтожается при фашизме и капиталистической диктатуре, как и при коммунистической, Струве ни словом не напомнил о своих публицистических злоупотреблениях и не раскаялся в них. Напротив, он ступил на путь адвоката Муссолини, хотя о свободе лица в фашистской Италии уже можно было только молчать. Новости о фашистских репрессиях в Италии он прокомментировал так: «Фашистская власть, поднявшая Италию из маразма политической и социальной смуты, имеет и право, и долг защищать себя *против всех действительных опасностей*. И в этой защите она вправе рассчитывать на полное сочувствие всех государственно-мыслящих людей» (Струве Петр, 1925е: 1).

Лишь репрессии Муссолини против прессы, административное и финансовое подавление оппозиционной печати в Италии заставили Струве робко возроптать: «Фашисты вступили в борьбу с могущественной силой — отчасти международной — “профессионального” журнализма. <...> предпринятая фашистами борьба имеет весьма опасные стороны. Она слишком легко может вылиться в попытку регламентации мысли, стремления рассматривать печать как орудие перевоспитания народа в определенном духе» (Струве Петр, 1925s: 1). *Может вылиться* — то есть *не вылилась*... Опытнейший, смелый, всегда шедший против течения публицист Струве неузнаваем.

Да и в его политической публицистике стало сразу видно, что столь тщательно прописанная антипарламентская доктрина была создана *ad hoc* — и тут же с легкостью отброшена, когда перестала быть нужна (пример — Болгария под властью Цанкова): «Мы познакомили наших читателей с особенностями итальянской и испанской контрреволюции, принявшей различные формы диктатуры. Своеобразие болгарской контрреволюции заключается в том, что она осуществляется в формах парламентарного режима» (Струве Петр, 1925k: 1).

Пафос Струве прямо сводился к задаче оправдания *правильной диктатуры* и *правильной революции* на фоне того, что большевизм заявил о себе как о «диктатуре пролетариата»: «Революцией против парламентаризма явился фашизм. <...> Попытками революции были восстания Каппа и Хитлера в Германии. <...> Надо отрешиться от предвзятого представления о том, что революция (в практическом смысле слова) есть понятие левое, что диктатура — понятие пра-

вое. Революция — *против кого?* Диктатура — *ради какой цели?* Вот те вопросы, от ответа на которые следует ставить в зависимость отношение к каждой данной революции, к каждой *данной диктатуре*» (Струве Петр, 1925t: 1).

Прямо приветствовал Струве переворот Примо де Риверы в Испании в сентябре 1923 года. Он писал:

«Фашизм известен гораздо более широко, чем испанская директория. Между тем, из двух типов диктатуры — испанская, несомненно, представляет более чистый, беспримесный и, мы бы сказали, открытый и прямолинейный вид диктатуры. <...> Она является своеобразным, но чистым типом *диктатуры устроющей* и не порывает при этом с исторической королевской властью» (Струве Петр, 1925h: 1).

В полемике с резко полевым в эмиграции бывшим лидером и конкурентом Струве в кадетской партии П. Н. Милюковым и его газетой «Последние новости», выступавшей против фашизма в защиту демократии, Струве настойчиво стремился интегрировать фашизм в историю русского *государственного* опыта. Некорректно сравнивая вполне развитую до 1917 года Российскую империю с отсталой и разоренной Италией начала 1920-х годов, он писал: «Мы не думаем, чтобы диктатура Муссолини и диктатура Примо де Ривера были “скверной реакцией”», упоминая изменение избирательного закона П. А. Столыпиным 3 июня 1907 года, когда оказалась распущена I Государственная дума. Струве посрамлял столь дорогое социал-либеральной русской антибольшевистской эмиграции Учредительное собрание, прославляя *антикоммунистическую диктатуру, одновременно антилиберальную и антидемократическую*:

«Такое грандиозное явление нашего времени, как опирающаяся на народное сочувствие и во имя борьбы с разрушительными тенденциями осуществляемая диктатура Муссолини. Неужели <...> разумное правительство могло бы действительно работать с таким народным представительством, как русское учредительное собрание 1917–1918 гг. с его большевистски-эсеровским большинством? <...> формальная легальность есть великая вещь, но за нею нельзя забывать, что конечное обоснование права не в его происхождении, а в его жизненном смысле и, таким образом, в его — *правоте*» (Струве Петр, 1925p: 1).

У читателей Струве создавалось обоснованное убеждение, что он гораздо больше пропагандирует антикоммунистическую диктатуру и итальянский фашизм, чем утверждает протомонархический вождизм великого князя Николая Николаевича: о первых он писал живо, со страстью, разнообразно, хоть и лицемерно, а о втором — риторично, сусально и поверхностно.

Итак, газета Гукасова «Возрождение» во главе со Струве появилась в начале июня 1925 года. Немедленно открылся главный замысел, который любовь к фашизму должна была гарнировать: строительство политического объединения эмиграции вокруг вождистской фигуры Николая Николаевича. Надо сразу сказать, что Струве, на страницах газеты громко присягнув монархической идее, с большим трудом сумел обеспечить редакционное единство в решении задачи объединения вокруг криптомонарха. Слишком велик был разнобой в писаниях разноголосых апологетов вождизма и диктатуры — они внутренне не были согласны с фигурой Николая Николаевича и продолжали перебирать все диктаториальное и генеральское, что оставалось в их памяти. Например, появились апологии Л. Г. Корнилова (Ильин И., 1925а: 2), Врангеля (Питерский, 1925: 1), А. И. Деникина (Струве Петр, 1925а: 1). Струве с усилием перенастраивался: «Народ и Армия сливаются» в образах «Верховного Вождя» Николая Николаевича и «его ближайшего помощника по Армии Главнокомандующего» Врангеля. И присягал на верность «трехцветному знамени и Георгиевскому штандарту» (Струве Петр, 1926а: 2).

Иван Ильин во время Гражданской войны ни дня не пробыл ни в военных, ни в гражданских, ни в политических, ни даже в газетных рядах белой армии, не побывал даже на контролируемой ею территории, а лояльно, рука об руку с коммунистическими пропагандистами, служил советской власти в Московском университете, пока она сама не выслала его в эмиграцию, где он долго искал союза с просоветскими евразийцами (Колеров, 2020а: 422), с которыми весной 1925 года прекратил отношения. Однако современными апологетами Ильин именуем идеологом белой армии, с прославления которой начал деятельность в газете. Политически это относится в первую очередь к главной фигуре — Врангелю и к военным сторонникам «императора» Кирилла I и лишь в последнюю очередь к политическому покровителю РОВС Николаю Николаевичу:

«Близится час, когда нам надо будет проявить нашу политическую зрелость в акте отдачи, самоотречения, повиновения и дисциплины; когда необходимо будет приступить к собиранию разлетевшейся в пыль государственной власти; когда, выражаясь в духе Гоббса и Руссо, нам надо будет “отсудить” наши “естественные права” без властного самовластия и создать общественным договором единый пункт ведущего изволения...» (Ильин И., 1925с: 2).

Но вряд ли военная масса могла понять, что этот риторический пир имел целью проповедь единовластия. Накануне Ильин, точно понимая свою историческую *непричастность* к белой армии, пытался найти и в собственной биографии пример подвига:

«Пять лет, сидя в Москве при большевиках, следил я за тем, как выкипала и перегорала в человеческих душах отравя анархии, самовластия и разнуздания; как люди начинали голодать по порядку, по власти, по дисциплине; как добровольное, беспрекословное повиновение (только бы не сумасшедшему! только бы не злодею!) становилось желанным предметом, мечтой. И я думал с тревогою: дострадаются ли до понимания этого голода и его благотворности — эмигранты, избежавшие нашей сатанинской плавильни? И что делать, если не дострадаются и не поймут? Если по-прежнему будут проповедовать идеалы беглого холопа?» (Ильин И., 1925b: 1).

Ильин утопил главную идею «диктатора-патриота» в риторике самооправдания. Вспоминая о работе и жизни в Советской России, он не видел морального преступления перед белой борьбой в том, что служил в коммунистическом коллективе Московского университета, но видел его в действиях тех, кто, памятуя о борьбе с голодом в 1891 году, в 1921-м бросились собирать средства для голодающих, за что поплатились арестами и высылками (Колеров, 2004). Ильин издевался над ними, придумав себе героическую легенду:

«Одни обновлялись, крепили и создавали в душе неодолимый упор; другие примыкали к революции и поглощались ею; третьи утверждали свои интеллигентские догматы и именно вследствие этого искали точек соприкосновения с революцией, “общих задач” (например “кормить голодающих” в 1921 году), возможности сотрудничества» (Ильин И. А., 1925e: 2).

Причисляя себя к определенной общности — «мы, писатели Белого лагеря», — Ильин, однако, не мог ничего сказать по сути проблем и задач этого лагеря и потому посвящал себя не разъяснению их содержания, а политической поэзии дурного вкуса: «В излучающем центре Белой души и Белого характера — заключена, завернута, скрыта та *идея Белого движения*, которую надо извлечь, поднять и утвердить на общее осознание и признание. <...> добытая нами в живом опыте *волевая верность* и *волевая сила* станут *идеєю*» (Ильин И. А., 1925a: 2).

Хорошо видно, что, кроме художественно-риторических заклинаний, Ильину по сути нечего сказать. Думаю, он понимал фальшь своей проповеди и, видимо, сам себе задавал естественный вопрос: если ты такой белый, то почему тебя не было ни в белой армии, ни в белой политике? И отвечал так: «В России и сейчас немало честных, способных и умудрившихся людей. Но они *молчат*, не плавают на поверхности и не “шмыгают” по России с “дьявольской энергией”» (Ильин И. А., 1925d: 2) — цитаты из статьи И. С. Шмелева, опубликованной в «Возрождении» в ноябре 1925 года. Налицо явное снижение учительских претензий Ильина.

В исторической реальности белое дело, пусть и закончившееся неудачей, отнюдь не было риторическим, а наполнялось практикой государственной жизни, вершина которой — «левая политика правыми руками» Врангеля в Крыму и Таврии в 1920 году (идеологически восходившая к идейной работе антикоммунистов-либералов еще в 1918–1919 годах, в том числе П. И. Новгородцева). Лично не зная ничего об этом, Ильин удовлетворялся риторикой: говоря о времени после будущей победы над большевиками, он печатно и публично задавался вопросом: «Где идейные — духовные, политические и социальные — основы этого строительства?» — и сам себе отвечал только одно: «Белая идея есть бесценное достояние нашей борьбы» (Ильин И. А., 1926а: 2). Таков единственный ответ на вопрос о практических основах и горизонт практической политической мысли Ильина. Именно от бедности политического опыта⁶ он с такой вдохновенной страстью погрузился в практику итальянского фашизма.

В прославлении его на страницах «Возрождения» Ильин пользовался поддержкой Струве. Апология фашизма происходила параллельно с апологией Николая Николаевича как «национального вождя». Но он оказался в тени Муссолини, чего монархисты и другие сторонники великого князя не ожидали.

Струве был упорен. Увлечение итальянским фашизмом носило глобальный характер, превращаясь в его сознании в сценарий для всего цивилизованного мира. На таком фоне проблема России уходила на второй план даже при угрозе мировой коммунистической революции. Неумеренное увлечение Струве *придуманным им самим* образом фашизма Муссолини привело его даже к мысли, что фашизм должен оздоровить консервативное наследие и надклассовое буржуазное государство, а те, возрожденные, в свою очередь, придадут новое дыхание либерализму. В этой перспективе фашизм вырос до спасителя западной цивилизации. Струве писал:

«Страшен не коммунизм, страшно то, что буржуазия изверилась в себя и что религиозные корни и истоки ее “становления”, в наше время вскрытые исторической наукой с такой ясностью, как бы высохли и отмерли. <...> и тут намечается, можно сказать, историческая задача русской контрреволюции <...> — быть застрельщиком *нового духовного самоутверждения буржуазного общества*, его возрождения на стародавних и вечных корнях христианской веры» (Струве Петр, 1925g: 1).

В центре мирового оздоравливающего фашизма Струве ставил белую русскую эмиграцию, вмняя ей как минимум идейное лидерство: «Мы, русские, имеем свой

⁶ Вскоре после этого Ильин, не имевший ни дня практической политической работы, взял себе псевдоним Старый политик. Это явно рифмовалось с известной публицистической серией «Дневник политика» Струве (1925–1935), который начал (еще в антисамодержавном и марксистском подполье) свою действительную практическую политическую работу в 1890 году.

жизненный опыт, равного которому не имеет никто. Мы, в известном смысле, старшие братья в европейской семье» (Струве Петр, 1925и: 1). «Мы стоим за объединение национальных и патриотических сил внутренней и зарубежной России, идущее рука об руку с объединением консервативных сил во всем мире», — писал Струве (Струве Петр, 1925г: 1) в явной надежде на создание Консервативного интернационала, противостоящего Коммунистическому интернационалу. В этом контексте Струве, лично никогда не бывший антисемитом и даже проповедовавший отказ от этнической оценки (асемитизм⁷), пошел на эксплуатацию еврейского измерения коммунистического движения, говоря, что кроме земельного устройства евреев в СССР — «еще более существенно для большевистской власти — создание политической заинтересованности мирового еврейства в сохранении советской власти» (Струве Петр, 1925н: 1). Впоследствии, защищая в 1933 году правящий гитлеризм, Струве уже легко отмахнулся от его антиеврейской политики.

Но на пути к мировому призванию русского белого дела как-то погасла и замерла общенациональная задача России и сам номинированный в ее вожди великий князь Николай Николаевич. По крайней мере, не погибла задача Зарубежного съезда, хотя глобальный риторический и даже истерический восторг с самого начала готовил ему безвыходную ловушку неисполняемых ожиданий.

Монархизм в глазах поклонников Муссолини

С самого начала работы газеты «Возрождение» Струве стремился проявить себя как монархист, давно преодолевший революционные заблуждения молодости⁸. Он посвятил первые же номера газеты Николаю Николаевичу, вплоть до публикации на первой полосе выпуска от 9 июля 1925 года его крупного (как будто настенного или настольного) фотопортрета с подписью: «Его Императорское Высочество великий князь Николай Николаевич». Публикуя свое интервью с ним, Струве переходил в отдающий фальшью архаичный регистр: «Уже давно русские патриоты <...> обращают свои взоры к естественному избраннику своих мыслей и чувств. Все неотразимо указывает на Него» (Струве Петр, 1925v: 1).

Согласно замыслу, план состоял в том, что «добровольно признанные за рубежом авторитеты смогут стать принудительной властью на родине» (Струве

⁷ См. обширную полемику 1909 года вокруг лозунга «асемитизма», выдвинутого Струве и его единомышленником и другом В. С. Голубевым: (Колеров, сост., 2015: 19–176).

⁸ Это заметили его коллеги по правомонархической коалиции, готовящей Зарубежный съезд, и в полной мере учли его деятельное покаяние. 5 октября 1925 года предсъездовское совещание решило, «что на должность председателя [Съезда] следует всемерно поддержать кандидатуру П. Б. Струве как лица политически чистого, сознавшего ошибки своей молодости и вполне раскаявшегося в прежних заблуждениях» (Котенко, Домнин, сост., 2006: 199).

Петр, 1925f: 1) (видимо, «принудительной» в результате интервенции⁹). Затем Струве сообщил, что получил лично дарованную «Государем Императором Николаем II» амнистию как государственный преступник 17–19 октября 1905 года (Струве П., 1925: 2). А вскоре отметил очередную годовщину расстрела большевиками Николая II и его семьи риторической апологией (Струве Петр, 1925b: 1). Примечательно, что в конце 1917 года Струве большевистскую революцию по отношению к Февральской назвал «контрреволюцией» (Струве П., 1917), то есть *реакцией* по отношению к полной политической и экономической свободе, наступившей после свержения монархии. А теперь, вопреки собственным убеждениям до 1917 года, с усилием подбираясь к апологии монархии, перенес акцент на *саму предреволюционную монархию*: «Поскольку слово “реакция” имеет какой-то дурной смысл, русская революция есть подлинная реакция, смявшая и отчасти загубившая великие культурные достижения эпохи т. н. “царизма” <...>» (Струве Петр, 1925o: 1). Получалось, что и либеральный Февраль — *реакция* по отношению к еще более либеральной монархии.

Малоубедительно в контексте ожесточенной фашистской пропаганды на страницах «Возрождения» звучал призыв Струве к читателям — ему надо было бы адресовать эти слова себе самому: «Необходимо выработать какой-то минимум руководящих и основополагающих идей, который должен быть на самом деле железным и от которого немислимы отступления ни в какую сторону. <...> к ним прежде всего относится решение — принять и всячески поддерживать водительство Вождя» (Струве Петр, 1925c: 1). Неомонархическая проповедь Струве была риторически слабой. Напротив, апология фашизма, даже с оговорками, — убедительной, ибо очевидно диктовалась велением сердца. Струве все громче выражал любовь к Муссолини и его делам, лишь крайне осторожно (чего он опасался?) рекомендуя предмету восторга уважать «свободу лица». Струве писал: «В лице фашизма перед нами явление если не абсолютно новое по форме, то во всяком случае новое по содержанию и в своей новизне <...> *всемирно-исторически значительное*». Он сравнивал Муссолини с Бисмарком как борцом против социализма и Наполеоном как создателем сильной власти на месте парламентской. При этом был уверен:

«Муссолини гораздо “демократичнее” и демагогичнее не только Бисмарка, но и Наполеона <...> в защиту начал государственности и национальности <...> мобилизовал народные (демотические) силы и стихии нашего времени. <...> Судьбы фашизма зависят от того, сумеет ли он дозу социализма, подобно

⁹ Интервенции против СССР Струве придавал смысл борьбы против мировой революции: «Мы признаем перед лицом зреющей [коммунистической] революции законность превентивной контрреволюции» (Струве Петр, 1925q: 1).

Бисмарку, удержать в пределах социальной реформы, а синдикализм¹⁰ свести к пределам разумного и свободного профессионального самоуправления, не разрушающего ни единства государственной власти, ни хозяйственной свободы лица <...> великий *творческий подвиг сильной правительствующей власти*» (Струве Петр, 1925w: 1).

Отечество и собственность без свободы лица

Центральный пункт в программе Струве, реализации которой должны были служить «национальный вождь» Николай Николаевич и вдохновение итальянского фашизма, — давно найденная формула протекционистского патриотизма, основанного на массовой частной (то есть в условиях России — крестьянской) собственности: *отечество и собственность*. Что удивительно для признанного даже в леволиберальной среде (Колеров, 2020с: 167–175) специалиста по рабочему вопросу, Струве в 1920-е годы (в отличие от Николая Николаевича) при анализе положения в СССР и при формировании программы посткоммунистической России абсолютно игнорировал положение и интересы рабочего класса, городского населения, промышленности и перспективы индустриализации в целом. Он писал: «...крестьянская Россия рано или поздно преодолет внедрившийся в ее организм коммунистический яд и изблует засевших в нем “социалистически-пролетарских” паразитов» (Струве П. Б., 2004: 363).

Это следует признать психологически точным выбором Струве: опора на опыт итальянского фашизма (очищенного от синдикализма) и диктатур Южной и Восточной Европы неизбежно обуславливала акцент на их *преобладающе крестьянскую* социальную реальность, формально близкую Советской России. Но это обрекало освобожденную от коммунизма Россию на положение государства второго сорта — без промышленности, современной армии и защиты национальных интересов от колониальных притязаний Запада и иных соседей. Обнажался сугубо риторический характер чаемого *Отечества* — основанного на крестьянской *собственности* (Колеров, 2017)¹¹, но без городской *индустриальной* культуры.

¹⁰ Ср.: «Синдикализм завоевывает все новые позиции, делается фактом и тем самым навязывает известные методы поведения своим противникам. <...> В этом разгадка т. н. фашизма. Фашизм не только образ или метод внепартийной диктатуры, вызываемой к жизни обнаружившейся неспособностью нормально действующего парламентского правительства — бороться с активным коммунизмом. Фашизм имеет более глубокие корни и более широкие задачи. Фашизм есть использование профессиональных и партийных организационных возможностей для утверждения и защиты надпрофессиональных и надпартийных ценностей в противовес партийному и профессиональному захватничеству и эгоизму. <...> Фашизм есть добровольческая организация для спасения правового государства от коммунизма и синдикализма» (Струве Петр, 1925i: 1).

¹¹ Струве искренне верил (и многословно и многократно описывал свои надежды) в антикоммунистическую сущность и перспективу массового крестьянского хозяйства. Ему не приходило в голову, что новую крестьянскую реальность создали большевики и, управляя ею, начали быстро ликвидировать массовую аграрную мелкую и среднюю частную крестьянскую собственность — в ходе всеобщей коллективизации, начатой вскоре после этих проповедей Струве, в 1928–1929 годах (Струве Петр, 1925l: 1; 1925d: 1).

Логично, что вне *такой* культуры Струве так легко отказывался от *свободы лица*: «Демократия, в смысле системы учреждений, может прочно держаться и нормально функционировать лишь там, где консервативен сам народ. Что же означает консерватизм самого народа? <...> *отечество и собственность*» (Струве П. Б., 1925b: 1). Струве понимал, что массовая собственность — уже *факт*, но требовал от большевиков, уже решивших аграрный вопрос: «<...> не реставрация, а инставрация собственности <...> окончательное превращение всех русских граждан в личных землевладельцев, а потому и превращение русских крестьян из государственных (советских) поселян в личных собственников и свободных хозяев, в собственников-граждан» (Струве Петр, 1925m: 1).

В преддверии Съезда Струве и Ильин сформировали профашистский завет, выразивший их личную убежденность, скрытую под протокольной лояльностью. Струве писал:

«Фашизм есть реакция государственности на разлагающую силу и работу демократического социализма. В этом отношении Муссолини идет и отрицательно, в порядке репрессий, и положительно, в порядке социального реформаторства, по стопам Бисмарка. <...> Поскольку Муссолини создает на месте либерально-демократического парламентаризма строй, основанный на сильной правительствующей власти, как-то независимой от большинства и голосований, он идет по стопам Наполеона I, первого консула и императора. <...> фашизм находится в искушении — воспринять идею [“социализма” как “сплошной начальственной рационализации и всецелого государственного управления хозяйственной жизнью”. — М. К.], объективно несостоятельную и неосуществимую, и ею — отравиться. Идея социализма, в точном смысле — исчерпывающего регулирования хозяйственной жизни какой-либо единой волей» (Струве Петр, 1925w).

Ильин же предлагал апологию Муссолини, поэтически характеризую фашизм, что сводилось к перечню образов: «живое чувство реальности», «духовный аристократизм», «активная и властная воля», «историческая гражданственность Рима», «патриотическая традиция гарибальдийства» (гарибальдийства! — не только объединения, но и социального освобождения Италии... гарибальдийства! — равно дорогого русскому революционному движению и советской коммунистической пропаганде). И здесь Ильин, не называя имени, вступил в открытую полемику со Струве о месте фашизма между либерализмом и социализмом. Он говорил, что Муссолини «...никогда не видел в социализме догмата, и никогда социализм не был для него окаменевшим теоретическим построением», и продолжал, иронизируя над масонским либерализмом:

«...то, что теперь осталось в <...> душе [Муссолини] от социализма — это *воля к социальной справедливости* и глубокое понимание той опасности, которую таит в себе *хозяйственная и социальная анархия*. <...> Муссолини ищет новых решений для старых проблем. Найдет ли? История покажет. <...> идолопоклонники отвергнутых им мнимых решений (“парламентаризм”, “социализм”) — ненавидят его всеми силами своих ожесточившихся в идолопоклонстве душ? и добро бы он отвечал им теоретически. <...> А то — волею, актом, волевым поступком, устранением с поля битвы <...> взял и выполол, как сорную траву и коммунистический чертополох, и либеральный лопух, и масонскую повелику...» (Ивер, 1926: 2).

То есть — если Струве возлюбил фашизм, чтобы тот помог ему уничтожить социализм и вернуться через консерватизм к либерализму, то Ильин — чтобы тот уничтожил либерализм и социализм.

Зарубежный съезд: уклончивый монархизм и настойчивый фашизм

Избрание организационного Комитета по созыву Зарубежного съезда состоялось 8 октября 1925 года: его председателем стал Струве, товарищами (заместителями) председателя А. Н. Крупенский, С. Н. Третьяков, М. М. Федоров. В исполнительное бюро вошел в том числе Карташев. Организационные усилия, преодоление разногласий с промышленниками увенчались успехом лично Гукасова, «Возрождения» и Струве. Съезд прошел в Париже в апреле 1926 года. Наибольшее число делегатов на съезд прибыло из стран, где находилось наибольшее количество эмигрантов: Франции, Сербии, Германии, Болгарии, Чехословакии, Дальнего Востока, США, Бельгии (Черемухин, 2018: 236–237) — и таким образом съезд, не будучи политически представительным, стал подлинно всемирным. Подготовка и проведение съезда в качестве председателя стали вершиной политической карьеры Струве в эмиграции и финалом его политической жизни. Накануне съезда он вновь озвучил монархическую задачу в контексте собственной консервативной доктрины, лукаво, сменовеховски и национал-большевистски опираясь на *факт большевистского решения* аграрного вопроса, выданного за самопроизвольное сопротивление России коммунизму:

«Россия отвергла социализм и коммунизм. В тяжких страданиях Россия творит в своем жизненном обиходе и обобщает начало частной собственности. <...> *Отечество и Собственность*. Без утверждения частной или личной собственности, которая есть твердое основание всякого свободного и достойного человеческого существования, невозможно восстановление и возрождение Национальной России. Но мы должны ясно и твердо, без недомолвок и колебаний, сказать Внутренней России: мы за установление собственности, но не за восстановление или возврат собственности» (Струве Петр, 1926b: 1).

В первый день съезда председательствующий Струве выступил с общими формулировками, риторически оркеструющими монархический замысел: «Зарубежный Съезд должен быть внушительным доказательством *Согласия*: 1) патриотического; 2) действенного; 3) дисциплинированного; 4) собранно и сомкнуто действующего, а потому 5) приемлющего единое водительство и 6) готового без колебаний последовать зову единого Вождя» (Струве П. Б., 1926d: 3). В декларации, финальный текст которой, несомненно, вышел из-под пера того же Струве: «Имя Великого Князя есть <...> символ великого прошлого и светлого будущего <...> оно <...> воплощение Российской Государственной идеи» (Струве Петр, 1926e: 1). Трудность состояла в том, что русский криптомонархический вождь для всех читателей Струве и его газеты неизбежно стоял в тени дуче Муссолини. Струве и Ильин в дни съезда, несмотря на неоднократно высказанные профашистские идеи, удалили их из своих речей. Ильин оперативно перестроился на монархический лад, но не без язвительного сравнения Николая Николаевича с неназванным Муссолини: «в будущем цвести нашей родине только под Царем и мучиться и чахнуть ей в интригах республиканской партийности. <...> Нет у нашего вождя еще ни территории, ни власти, ни правительственного аппарата. <...> И мудр и прав наш вождь, что не объявляет себя диктатором, обреченным на бессилие» (Ильин И. А., 1926b: 1). Демонстративное указание, что Муссолини имеет под собой территорию страны, а русский «вождь» — нет, давал тогда же и Струве, упрекая русскую монархию, что она имеет на Западе плохую репутацию: «В Европе русский “старый порядок” имеет плохую прессу. Те немногие, которые сумели оценить достижения императорской России, не могут этого изменить» (Струве Петр, 1926d: 1).

Итоги съезда оказались двусмысленными; вполне возможно, что иначе и быть не могло. Открывшись 4 апреля и продлившись неделю, съезд 10 апреля 1926 года не смог собрать по главному вопросу абсолютного большинства и потому принял решение не учреждать правительство в изгнании. В итоге было создано в подчинении Николая Николаевича — как «национального вождя» — Российское национальное объединение во главе с Гукасовым и Центральный комитет в Париже во главе местных комитетов в странах пребывания эмигрантов (Черемухин, 2018: 176–178). Гукасов, потратившийся на съезд и на газету «Возрождение», получил политический результат, но есть сомнения, что он подразумевал апологию фашизма, хоровую, звучащую со страниц его газеты до, во время и с трибуны съезда.

Хор на страницах «Возрождения» не умолк и после съезда. По свежим следам, формально одобрив его итоги в передовой статье, давний пропагандист фашизма Г. Н. Трубецкой твердил о *задачах русских фашистов*, словно они прямо вытекали из итогов съезда¹². Переданное Струве право на написание передовой

¹² См.: «Возрождение». 18 и 22 апреля 1926 года.

статьи «Возрождения» близкому автору, но не члену редакции, конечно, должно было отвести лично от Струве обвинения в злоупотреблении редакционной властью в целях перетолкования итогов съезда. Газета опубликовала красноречивую карикатуру, высмеивающую надежды на победный марш на Москву, подобный маршу Муссолини на Рим: под названием «Европа на распутье: Фашизм или большевизм» изображались соответствующие дорожные указатели: «Рим», «Москва». И под ними подпись: «Осторожно, не все дороги ведут в Рим!»¹³.

Не стоит думать, будто это кого-то обмануло: прикрывшись «национальным вождем» Николаем Николаевичем, Струве продолжал агитировать за фашистский образец, к которому Николай Николаевич и его монархические сторонники на деле не имели никакого отношения. Тем свободней проповедовали Струве и Ильин. Сразу после съезда, закончившегося бесплодным компромиссом, Струве по поводу рядового события с участием «диктатора Италии» Муссолини сделал громкий вывод: «...в фашистской Италии бьет источник неистраченных сил. <...> Итальянский империализм — Итальянская Империя — Муссолини отнюдь не зарекается от этих слов. Он решается говорить то, от чего отпираются представители всех остальных стран <...>» (Струве Петр, 1926с: 1). Струве писал вскоре после съезда, глубоко сопереживая Муссолини и принижая Николая Николаевича:

«В Италии именно обнаруженное государством бессилие в борьбе с разлагающими началами привело к росту и победе фашизма. <...> Объединение надо строить новое, органически спаянное, не на старых дрожжах партийных делений или бытовых интересах, а на основах некоторых самых общих начал, диктуемых любовью к родине и здравым смыслом. Так создавался фашизм в Италии и так должен создаваться русский фашизм, без рабского подражания иностранному образцу, с полным учетом особенностей наших задач и нашей обстановки и устраняя те опасности, которые, к сожалению, грозят этому движению в Италии, несмотря на кажущийся его апофеоз. <...> Муссолини рождаются в действии и обстоятельства их создают. Не все, однако, требует копии с итальянского образца. Муссолини блестяще начал, но мы еще не знаем, как он кончит. <...> В этом отношении историческая власть, органически выросшая на родной почве, имеет преимущество, ибо она не нуждается в таких подхлестываниях толпы к демагогии. И еще раз, благо Съезду, что в этом отношении, по доброй воле, или нет, он не вступил на путь авантюры и охранил авторитет Вождя от связывания его с повседневной злобой дня» (Струве Петр, 1926f: 1).

¹³ См.: «Возрождение». 30 мая 1926 года. С. 3.

Эпилог

Нет сомнений, что хозяин газеты «Возрождение» Гукасов видел игру Струве и Ильина в монархизм и «национального вождя» на фоне искреннего увлечения фашизмом. Через год после съезда, летом 1927 года, Гукасов удалил Струве из газеты, передав редакционное управление его бывшему единомышленнику и также некогда поклоннику фашизма Ю. Ф. Семенову. Никто, кажется, так и не увидел профашистских корней давно зревших разногласий, возложив вину либо на вздорность Гукасова, либо на редакционную манию величия Струве, либо на его же редакторский нарциссизм (Будницкий, публ., 2012: 316, 318–319).

Когда Муссолини уже признал СССР и перестал быть боевой новостью, движение Гитлера к власти в Германии вновь исторически актуализировало тему итальянского фашизма для русских правых. Это высветило проповеди Струве и Ильина в 1925–1926 годах и то, насколько естественны были их профашистские настроения. Увлечение Струве итальянским фашизмом прошло, а гитлеровским нацизмом — колебательно, но уверенно росло по мере движения А. Гитлера к власти. Гитлер начисто вытеснил из сознания Струве своего предшественника и теперь младшего союзника Муссолини. Струве громко приветствовал Гитлера, но все же удерживался от апологетики, находя ряд недостатков в политике Гитлера, в его горячо приветствуемой борьбе против коммунизма. Сквозь зубы заявив, что антисемитская политика не помогает Гитлеру, Струве больше не стал останавливать на ней внимание.

Но зато Гитлера и гитлеровский антисемитизм подробно адвокатировал Ильин — и цепко помня и поминая свою любовь к Муссолини. Он писал:

«Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. <...> Прежде всего я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние; но не могу превратить его в критерий добра и зла, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм. <...> Германский национал-социализм решительно не исчерпывается ограничением немецких евреев в правах. <...> То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот; сами вожди его характеризуют постоянно словом “революция”. <...> Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию — европейской культуре дается отсрочка. <...> Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе. <...> То, что совершается, есть великое социальное переслоение <...> Удаляется все, причастное к марксизму, социал-демокра-

тии и коммунизму; удаляются все интернационалисты и большевизаны; удаляется множество евреев, иногда (как, например, в профессуре) подавляющее большинство их, но отнюдь не все. <...> Дух национал-социализма не сводится к “расизму”. Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят перед всеми народами» (Евлампиев, подгот., 2004: 482–484).

На этом можно закончить. Монархисты в русской эмиграции отвергли политическое подчинение своего лидера великого князя Николая Николаевича образу Муссолини, которое им навязывали Струве и Ильин в 1925–1926 годах. И Струве и Ильин пошли дальше своей дорогой, находя новый объект для политической (критической или некритической) любви в Гитлере и его делах.

Литература

- Андогорский, 1926 — *Андогорский А. И.* Государственная программа великого князя Николая Николаевича (Согласно беседе директора Ассошиэйтед Пресс с Великим Князем) // Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. С. 204–208.
- Будницкий, публ., 2012 — Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка, 1919–1939 / публ., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2012.
- Евлампиев, подгот., 2004 — *И. А. Ильин: pro et contra.* Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. Антология / подгот. И. И. Евлампиев. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004.
- Зайцев, 1925a — *Зайцев К. И.* На разные темы. Ценность или ненужность? // Возрождение. 1925. 24 декабря. С. 2.
- Зайцев, 1925b — *Зайцев К. И.* Некритическим поклонникам фашизма // Возрождение. 1925. 1 декабря. С. 1.
- Ивер, 1925a — *Ивер [Ильин И. А.].* Письма о фашизме. 2. Месяц спустя // Возрождение. 1925. 13 декабря. С. 2.
- Ивер, 1925b — *Ивер [Ильин И. А.].* Письма о фашизме. 3. Борьба с масонами // Возрождение. 1925. 20 декабря. С. 2.
- Ивер, 1926 — *Ивер [Ильин И. А.].* Письма о фашизме. 8. Муссолини-социалист // Возрождение. 1926. 16 марта. С. 2.
- Ильин И., 1925a — *Ильин И.* Идея Корнилова // Возрождение. 1925. 17 июня. С. 2.
- Ильин И., 1925b — *Ильин И.* Самообуздание и самообладание // Возрождение. 1925. 20 июля. С. 1.
- Ильин И., 1925c — *Ильин И.* Подвиг патриотического объединения // Возрождение. 1925. 21 июля. С. 2.
- Ильин И. А., 1925a — *Ильин И. А.* Зачем нам идеология? // Возрождение. 1925. 3 ноября. С. 2.
- Ильин И. А., 1925b — *Ильин И. А.* Идеиные развалины // Возрождение. 1925. 11 декабря. С. 2.
- Ильин И. А., 1925c — *Ильин И. А.* Направо // Возрождение. 1925. 28 ноября. С. 1.
- Ильин И. А., 1925d — *Ильин И. А.* Новые люди // Возрождение. 1925. 26 декабря. С. 2.

- Ильин И. А., 1925е — *Ильин И. А.* Пересмотр идеологии // Возрождение. 1925. 11 сентября. С. 2.
- Ильин И. А., 1926а — *Ильин И. А.* Идеология и борьба // Возрождение. 1926. 15 мая. С. 2.
- Ильин, 2000 — *Ильин И. А.* Письмо И. С. Шмелеву. 29 января 1948 г. // Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950) / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000.
- Ильин И. А., 1926б — *Ильин И. А.* Речь И. А. Ильина // Возрождение. 1926. 10 апреля. С. 1.
- Колеров, 1994 — *Колеров М. А.* Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопр. философии. 1994. № 10. С. 143–166.
- Колеров, 1997 — *Колеров М. А.* Братство святой Софии: документы (1918–1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год / отв. ред. М. А. Колеров. СПб.: Алетейя, 1997. С. 99–133.
- Колеров, 2020а — *Колеров М. А.* Как и зачем Иван Ильин искал союза с евразийцами в 1922–1925 годах // *Колеров М. А.* Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Мн.: Лимариус, 2020.
- Колеров, 2020б — *Колеров М. А.* Котляревский, Новгородцев, Шпет и Иван Ильин в фокусе советского просвещения и цензуры в 1919 году // *Колеров М. А.* Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Мн.: Лимариус, 2020.
- Колеров, 2020с — *Колеров М. А.* Петр Струве: революционер без масс, 1870–1918. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2020. С. 167–175.
- Колеров, 2020d — *Колеров М. А.* Сборник «Из глубины», Братство св. Софии и примирение с большевистской диктатурой без Гражданской войны (1918) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXVIII. Гражданская война и интервенция в России. М.: Модест Колеров, 2020. С. 100–121.
- Колеров, сост., 2015 — Национализм. Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. 2-е изд. М.: Модест Колеров, 2015. С. 19–176.
- Колеров, 2004 — *Колеров М. А.* Политическое дежавю оппозиции: голод 1921-го как голод 1891 года // Русский Сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Т. I. М.: Модест Колеров, 2004.
- Колеров, 2017 — *Колеров М. А.* Фихте, Лист, Витте, Сталин: изолированное государство, протекционизм, первоначальное социалистическое накопление и «социализм в одной стране» // *Колеров М. А.* Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М.: Модест Колеров, 2017. С. 109–311.
- Котенко М. А., Домнин И. В., сост., 2006 — Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006.
- Мещеряков, ред., 1923 — *Мещеряков Н. (ред.)* Мировой фашизм / сб. статей. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923.
- Пайпс, 2001 — *Пайпс Р.* Струве. Биография: В 2 т. Т. 2. Струве: правый либерал. 1905–1944. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 680 с.
- Питерский, 1925 — *Питерский А. [Карташев А. В.?] Две встречи* // Возрождение. 1925. 19 июля. С. 1.
- Самовер, 1998 — *Самовер Н. В.* Галлиполийская мистика А. В. Карташева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год / под ред. М. А. Колерова. М.: ОГИ, 1998. С. 334–368.

- Струве, публ., 1971 — Из архива П. Б. Струве / публ. Г. П. Струве // Возрождение. № 231. 1971. Апрель. С. 109–111.
- Струве Н. А., 2004 — *Струве Н. А.* Мой дед П. Б. Струве // *Струве П. Б.* Дневник политика (1925–1935) / подг. текста А. Н. Шаханова. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2004.
- Струве П., 1917 — *Струве П.* В чем революция и контрреволюция? // Русская Мысль. 1917. Кн. XI–XII. II о.
- Струве П., 1925 — *Струве П.* Дневник политика. Тем, кто «Возрождение» помыслил побить «Освобождением» // Возрождение. 1925. 27 июня. С. 2.
- Струве П. Б., 2004 — *Струве П. Б.* Дневник политика (1925–1935) / подгот. текста, коммент., указ. А. Н. Шаханова. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2004.
- Струве П. Б., 1924 — *Струве П. Б.* Об основных течениях мысли в русской зарубежной среде // Вестник Русского Национального Комитета. 1924. 1 декабря. № 10. С. 63.
- Струве Петр, 1926a — *Струве Петр.* Армия // Возрождение. 1926. 13 мая. С. 2.
- Струве Петр, 1925a — *Струве Петр.* Белая вера и белая идея // Возрождение. 1925. 29 июня. С. 1.
- Струве Петр, 1925b — *Струве Петр.* Неувядаемая красота // Возрождение. 1925. 17 июля. С. 1.
- Струве Петр, 1925c — *Струве Петр.* Сосредоточение. Несколько мыслей и два вопроса // Возрождение. 1925. 17 октября. С. 1.
- Струве Петр, 1925d — *Струве Петр.* Стоптаные туфли, которые нельзя выбросить на помойку // Возрождение. 1925. 27 июня. С. 1.
- Струве Петр, 1926b — *Струве Петр.* Условия и задачи зарубежного объединения. Речь, произнесенная на открытом собрании Национального Объединения Русской Молодежи 28-го марта 1926 года // Возрождение. 1926. 16 марта. С. 1.
- Цуриков, 1925 — *Цуриков Н. А.* Нелогичная действительность. Демократия и фашизм // Возрождение. 1925. 17 декабря. С. 2.
- Черемухин, 2018 — *Черемухин В.* Кирилловцы vs Николаевцы: Борьба за власть под знаком «Национального Единства». М.: Буки-Веди, 2018.
- Романов К. В., 2006 — [*Романов К. В.*] Беседа Государя Императора с английским корреспондентом [середина 1925 г.] // Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. С. 265–271.
- Романов Н. Н., 1924 — [*Романов Н. Н.*] Беседа бывшего Верховного Главнокомандующего его императорского высочества великого князя Николая Николаевича с представителем американской печати на Пасхе 1924 г. // Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. С. 200–204.
- Романов Н. Н., 1925 — [*Романов Н. Н.*] Заявление Великого Князя Николая Николаевича в американских газетах // Возрождение. 1925. С. 1.
- Струве П. Б., 1926a — [*Струве П. Б.*] 14 мая 1926 г. События в Польше // Возрождение. 1926. 14 мая.
- Струве П. Б., 1926b — [*Струве П. Б.*] 18 мая 1926 г. Польский переворот // Возрождение. 1926. 18 мая.
- Струве П. Б., 1925a — [*Струве П. Б.*] 3 сентября 1925 г. // Возрождение. 1925. 3 сентября.
- Струве П. Б., 1926b — [*Струве П. Б.*] 3 января 1926. Фашистский дух // Возрождение. 1926. 3 января. С. 1.

- Струве П. Б., 1925b — [Струве П. Б.] Демократия и консерватизм // Возрождение. 1925. 16 июля.
- Струве П. Б., 1925c — [Струве П. Б.] Основы национальной платформы // Возрождение. 1925. 28 августа.
- Струве П. Б., 1925d — [Струве П. Б.] Открытие Российского Зарубежного Съезда. Первое заседание. Речь // Возрождение. 1926. 5 апреля. С. 3.
- Струве Петр, 1925e — [Струве Петр] 10-го ноября 1925 г. // Возрождение. 1925. 10 ноября. С. 1.
- Струве Петр, 1925f — [Струве Петр] 12-го августа 1925 года // Возрождение. 1925. 12 августа. С. 1.
- Струве Петр, 1925g — [Струве Петр] 12-го июня 1925 г. // Возрождение. 1925. 12 июня. С. 1.
- Струве Петр, 1925h — [Струве Петр] 12-го сентября 1925 г. // Возрождение. 1925. 12 сентября. С. 1.
- Струве Петр, 1925i — [Струве Петр] 14 августа 1925 г. // Возрождение. 1925. 14 августа. С. 1.
- Струве Петр, 1926c — [Струве Петр] 14 апреля 1926 года. Муссолини в Триполи // Возрождение. 1926. 14 апреля. С. 1.
- Струве Петр, 1926d — [Струве Петр] 17 апреля 1926 г. Зарубежный Съезд и внешний мир // Возрождение. 1926. 17 апреля. С. 1.
- Струве Петр, 1925j — [Струве Петр] 18 июня 1925 г. // Возрождение. 1925. 18 июня. С. 1.
- Струве Петр, 1925k — [Струве Петр] 18-го сентября 1925 г. // Возрождение. 1925. 18 сентября. С. 1.
- Струве Петр, 1925l — [Струве Петр] 19-го августа 1925 г. // Возрождение. 1925. 19 августа. С. 1.
- Струве Петр, 1925m — [Струве Петр] 21-го августа 1925 г. // Возрождение. 1925. 21 августа. С. 1.
- Струве Петр, 1925n — [Струве Петр] 21-го октября 1925 г.: Еврейская колонизация России // Возрождение. 1925. 21 октября. С. 1.
- Струве Петр, 1925o — [Струве Петр] 23 июня 1925 г. // Возрождение. 1925. 23 июня. С. 1.
- Струве Петр, 1925p — [Струве Петр] 27 июля 1925 г. // Возрождение. 1925. 27 июля. С. 1.
- Струве Петр, 1925q — [Струве Петр] 29 июля 1925 г. // Возрождение. 1925. 29 июля. С. 1.
- Струве Петр, 1925r — [Струве Петр] 30-го июля 1925 г. // Возрождение. 1925. 30 июля. С. 1.
- Струве Петр, 1925s — [Струве Петр] 31-го декабря 1925 г. Фашисты и печать // Возрождение. 1925. 31 декабря. С. 1.
- Струве Петр, 1925t — [Струве Петр] 4-го июля 1925 г. // Возрождение. 1925. 4 июля. С. 1.
- Струве Петр, 1925u — [Струве Петр] 6 августа 1925 г. // Возрождение. 1925. 6 августа. С. 1.
- Струве Петр, 1926e — [Струве Петр] 7 апреля 1926. Приветствие [Зарубежного Съезда] вел. кн. Николаю Николаевичу // Возрождение. 1926. 7 апреля. С. 1.
- Струве Петр, 1926f — [Струве Петр] 7 мая 1926 г. Суд и улица // Возрождение. 1926. 13 мая. С. 1.
- Струве Петр, 1925v — [Струве Петр] Беседа вел. кн. Николая Николаевича с редактором «Возрождения» // Возрождение. 1925. 20 июня. С. 1.
- Струве Петр, 1925w — [Струве Петр] Дневник политика. 35. Значение и значительность Муссолини и фашизма // Возрождение. 1925. 19 декабря. С. 1.

Архивы

ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Ед. хр. 15.

**RUSSIAN MONARCHICAL LEADER ACCORDING
TO ITALIAN FASCIST MODEL:
IDEAL EFFORTS OF P. B. STRUVE
AND I. A. ILYIN IN 1925–1926**

Modest A. Kolerov

PhD in History,

Editor-in-chief of the REGNUM news Agency.

2/1 Bersenevsky Lane, Moscow, 119072, Russian Federation.

E-mail: kolerovm@gmail.com

Abstract. The years 1924–1926 turned out to be rich in the life of the Russian emigration: at this time, the *Vozrozhdenie* newspaper was created, disputes about the possible succession of the Russian imperial power, the preparation and holding of the Russian Foreign Congress, which was supposed to consolidate Russian exiles, remove party contradictions and political differences in order to combat communism. A new link appeared in the ideology of the emigre circles of that time — this is the theme of Italian fascism, its legitimacy and prospects from the point of view of victory over Soviet power. The main authors who apologized for fascism were I. A. Ilyin and P. B. Struve. An analysis of their publications on the pages of the *Renaissance* allows us to see how Russian thinkers sought all possible resources to achieve their main goal. Genuine émigré “first love” for Mussolini’s fascism is a historical fact. The context, specificity and motives of this “first love” are the subject of these notes.

Keywords: B. Mussolini, Italian fascism, dictatorship, I. A. Ilyin, P. B. Struve, the Romanov dynasty, the ‘*Vozrozhdenie*’ newspaper, the Russian Foreign Congress

For citation: Kolerov M. A. Russian Monarchical Leader according to Italian Fascist Model: Ideal Efforts of P. B. Struve and I. A. Ilyin in 1925–1926. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 48–80.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-48-80

References

- Andogskii, A. I., 2006. Gosudarstvennaya programma velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha (Soglasno besede direktora Assoshieited Press s Velikim Knyazem) [State program of the Grand Duke Nikolai Nikolaevich (According to the conversation of the Director of the Associated Press in the Grand Duke)]. In: *Rossiiskii Zarubezhnyi s'zd. 1926. Parizh. Dokumenty i materialy* [Russian Congress Abroad. 1926. Paris. Documents and materials]. Moscow: Russkii put'. 204–208.
- Budnitskii, O. V., publ., 2012. *Spor o Rossii: V. A. Maklakov — V. V. Shul'gin. Perepiska, 1919–1939* [Dispute about Russia: V. A. Maklakov — V. V. Shulgin. Correspondence, 1919–1939]. Moscow: ROSSPEN.
- Cheremukhin, V., 2018. *Kirillovtsy vs Nikolaevtsy: Bor'ba za vlast' pod znakom "Natsional'nogo Edinstva"* [Kirillovtsy vs Nikolaevtsy: Struggle for Power under the Sign of "National Unity"]. Moscow: Buki-Vedi.
- Evlampiev, I. I., ed., 2004. *I. A. Il'in: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Il'ina v vospominaniyakh, dokumentakh i otsenkakh russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [I. A. Ilyin: pro et contra. The personality and work of Ivan Ilyin in memoirs, documents and assessments of Russian thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta.
- Iver [Il'in, I. A.], 1925a. Pis'ma o fashizme. 2. Mesyats spustya [Letters on Fascism. 2. A month later]. *Vozrozhdenie*, December 13, 2.
- Iver [Il'in, I. A.], 1925b. Pis'ma o fashizme. 3. Bor'ba s masonami [Letters on Fascism. 3. The fight against the Freemasons]. *Vozrozhdenie*, December 20, 2.
- Iver [Il'in, I. A.], 1926. Pis'ma o fashizme. 8. Mussolini-sotsialist [Letters about fascism. 8. Mussolini the Socialist]. *Vozrozhdenie*, March 16, 2.
- Il'in, I., 1925a. Ideya Kornilova [Kornilov's idea]. *Vozrozhdenie*, June 17, 2.
- Il'in, I., 1925b. Samoobuzdanie i samoobladanie [Self-restraint and self-control]. *Vozrozhdenie*, July 20, 1.
- Il'in, I., 1925c. Podvig patrioticheskogo ob'edineniya [The feat of patriotic association] *Vozrozhdenie*, July 21, 2.
- Il'in, I. A., 1925a. Zachem nam ideologiya? [Why do we need ideology?]. *Vozrozhdenie*, November 3, 2.
- Il'in, I. A., 1925b. Ideinye razvaliny [Ideological ruins]. *Vozrozhdenie*, December 11, 2.
- Il'in, I. A., 1925c. Napravo [To the right]. *Vozrozhdenie*, November 28, 1.
- Il'in, I. A., 1925d. Novye lyudi [New people]. *Vozrozhdenie*, December 26, 2.
- Il'in, I. A., 1925e. Peresmotr ideologii [Revision of ideology]. *Vozrozhdenie*, September 11, 2.
- Il'in, I. A., 1926a. Ideologiya i bor'ba [Ideology and struggle]. *Vozrozhdenie*, May 15, 2.
- Il'in, I. A., 2000. Pis'mo I. S. Shmelevu. 29 yanvarya 1948 g. [Letter to I. S. Shmelev. January 29, 1948]. In: Il'in, I. A. *Sobr. soch.: Perepiska dvukh Ivanov (1947–1950)* [Correspondence of two Ivans (1947–1950)], ed. Yu. T. Lisitsa. Moscow: Russkaya kniga.
- Il'in, I. A., 1926b. Rech' I. A. Il'ina [Speech of I. A. Ilyin]. *Vozrozhdenie*, April 10, 1.
- Kolerov, M. A., 1994. Bratstvo sv. Sofii: "vekhovtsy" i evraziitsy (1921–1925) [Brotherhood of St. Sofia: "Vekhi" and Eurasianists (1921–1925)]. *Voprosy filosofii*, 10, 143–166.
- Kolerov, M. A., 1997. Bratstvo Svyatoi Sofii: dokumenty (1918–1927) [Brotherhood of Saint Sophia: documents (1918–1927)]. In: *Issledovaniya po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 1997 god* [Research on the history of Russian thought], ed. by M. A. Kolerov. St. Petersburg: Aleteiya. 99–133.

- Kolerov, M. A., 2020a. Kak i zachem Ivan Il'in iskal soyuza s evraziitsami v 1922–1925 godakh [How and why Ivan Ilyin sought an alliance with the Eurasians in 1922–1925]. In: Kolerov, M. A. *Manifesty russkogo politicheskogo idealizma: "Problemy idealizma" (1902), "Vekhi" (1909), "Iz glubiny" (1918) i ikh nasledniki* [Manifestos of Russian political idealism: "Problems of idealism" (1902), "Milestones" (1909), "From the Depths" (1918) and their successors]. Minsk: Limarius.
- Kolerov, M. A., 2020b. Kotlyarevskii, Novgorodtsev, Shpet i Ivan Il'in v fokuse sovetskogo prosveshcheniya i tsenzury v 1919 godu [Kotlyarevsky, Novgorodtsev, Shpet and Ivan Ilyin in the focus of Soviet education and censorship in 1919]. In: Kolerov, M. A. *Manifesty russkogo politicheskogo idealizma: "Problemy idealizma" (1902), "Vekhi" (1909), "Iz glubiny" (1918) i ikh nasledniki* [Manifestos of Russian political idealism: "Problems of idealism" (1902), "Milestones" (1909), "From the Depths" (1918) and their successors]. Minsk: Limarius.
- Kolerov, M. A., 2020c. *Petr Struve: revolyutsioner bez mass, 1870–1918* [Peter Struve: revolutionary without masses]. Moscow: Izdatel'stvo knizhnogo magazina "Tsiolkovskii". 167–175.
- Kolerov, M. A., 2020d. Sbornik "Iz glubiny", Bratstvo sv. Sofii i primirenje s bol'shevistskoi diktaturoi bez Grazhdanskoi voyny (1918) [Collection "From the Depths", Brotherhood of St. Sophia and reconciliation with the Bolshevik dictatorship without the Civil War]. In: *Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Research on the history of Russia]. Vol. XXVIII. Moscow: Modest Kolerov. 100–121.
- Kolerov, M. A., 2004. Politicheskoe dezhavyu oppozitsii: golod 1921-go kak golod 1891 goda [Political déjà vu of the opposition: the famine of 1921 as the famine of 1891]. In: *Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii XIX–XX vv.* [Russian Collection: Research on the history of Russia in the XIX–XX centuries]. Vol. I. Moscow: Modest Kolerov.
- Kolerov, M. A., 2017. Fikhte, List, Vitte, Stalin: izolirovannoe gosudarstvo, protektsionizm, pervonachal'noe sotsialisticheskoe nakoplenie i "sotsializm v odnoi strane" [Fichte, List, Witte, Stalin: an isolated state, protectionism, initial socialist accumulation and "socialism in one country"]. In: Kolerov, M. A. *Stalin: ot Fikhte k Beriia. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma* [Stalin: from Fichte to Beria. Essays on the history of the language of Stalinist communism]. Moscow: Modest Kolerov. 109–311.
- Meshcheryakov, N., ed., 1923. *Mirovoi fashizm* [World fascism]. Sb. statei. Moscow-Petrograd: Gosudarstvennoe Publ..
- Kolerov, M. A., ed., 2015. *Natsionalizm. Polemika 1909–1917* [Nationalism. Polemics 1909–1917], 2nd ed. Moscow: Modest Kolerov. 19–176.
- Paips, R., 2001. *Struve. Biografiya* [Struve. Biography]. 2 vols. Vol. 2.: Struve: a right-wing liberal. 1905–1944. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- Piterskii, A. [Kartashev A. V.], 1925. Dve vstrechi [Two meetings]. *Vozrozhdenie*, July 19, 1.
- Kotenko, M. A., Domnin, I. V., select., 2006. *Rossiiskii Zarubezhnyi s'ezd. 1926. Parizh. Dokumenty i materialy* [Russian Foreign Congress. 1926. Paris. Documents and materials]. Moscow: Russkii put'.
- Samover, N. V., 1998. Gallipoliiskaya mistika A. V. Kartasheva [Gallipoli mysticism A. V. Kartashev]. In: *Issledovaniya po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 1998 god* [Research on the history of Russian thought: Yearbook for 1998], ed. by M. A. Kolerov. M.: OGI. 334–368.
- Struve, G. P., publ., 1971. Iz arkhiva P. B. Struve [From the archive of P. B. Struve]. *Vozrozhdenie*, 231, April, 109–111.

- Struve, N. A., 2004. Moi ded P. B. Struve [My grandfather P. B. Struve]. In: Struve, P. B. *Dnevnik politika (1925–1935)* [Diary of a politician (1925–1935)], text prepared by A. N. Shakhanov. Moscow; Parizh: Russkii put'; YMCA-Press.
- Struve, P., 1917. V chem revolyutsiya i kontrrevolyutsiya? [What are revolution and counter-revolution?]. *Russkaya Mysl'*, XI–XII, II o.
- Struve, P., 1925. Dnevnik politika. Tem, kto “Vozrozhdenie” pomyslil pobit’ “Osvobozhdeniem” [Diary of a Politician. Those who thought to beat the “Renaissance” with “Liberation”]. *Vozrozhdenie*, June 27, 2.
- Struve, P. B., 2004. *Dnevnik politika (1925–1935)* [Diary of a politician (1925–1935)], text prepared, comment. by A. N. Shakhanov. Moscow; Parizh: Russkii put'; YMCA-Press, 2004.
- Struve, P. B., 1924. Ob osnovnykh techeniyakh mysli v russkoi zarubezhnoi srede [About the main trends of thought in the Russian foreign environment]. *Vestnik Russkogo Natsional'nogo Komiteta*, 10, December 1, 63.
- Struve, Petr, 1926a. Armiya [Army]. *Vozrozhdenie*, May 13, 2.
- Struve, Petr, 1925a. Belaya vera i belaya ideya [White faith and white idea]. *Vozrozhdenie*, June 29, 1.
- Struve, Petr, 1925b. Neuvyadaemaya krasota [Unfading beauty]. *Vozrozhdenie*, July 17, 1.
- Struve, Petr, 1925c. Sosredotochenie. Neskol'ko myslei i dva voprosa [Concentration. A few thoughts and two questions]. *Vozrozhdenie*, October 17, 1.
- Struve, Petr, 1925d. Stoptannye tufli, kotorye nel'zya vybrosit' na pomoiku [Trampled shoes that cannot be thrown into the trash]. *Vozrozhdenie*, June 27, 1.
- Struve, Petr, 1926b. Usloviya i zadachi zarubezhnogo ob"edineniya. Rech', proiznesennaya na otkrytom sobranii Natsional'nogo Ob"edineniya Russkoi Molodezhi 28-go marta 1926 goda [Conditions and objectives of a foreign association. Speech delivered at an open meeting of the National Association of Russian Youth on March 28, 1926]. *Vozrozhdenie*, March 16, 1.
- Tsurikov, N. A., 1925. Nelogichnaya deistvitel'nost'. Demokratiya i fashizm [Illogical reality. Democracy and Fascism]. *Vozrozhdenie*, December 17, 2.
- Zaitsev, K. I., 1925a. Na raznye temy. Tsennost' ili nenuzhnost'? [On various topics. Value or uselessness?]. *Vozrozhdenie*, December 24, 2.
- Zaitsev, K. I., 1925b. Nekriticheskim poklonnikam fashizma [To uncritical fans of fascism]. *Vozrozhdenie*, December 1, 1.
- [Romanov, K. V.], 2006. Beseda Gosudarya Imperatora s angliiskim korrespondentom [seredina 1925 g.] [Conversation of the Sovereign Emperor with an English correspondent [mid-1925]]. In: Kotenko, M. A., Domnin, I. V., select. *Rossiiskii Zarubezhnyi s"ezd. 1926. Parizh. Dokumenty i materialy* [Russian Foreign Congress. 1926. Paris. Documents and materials]. Moscow: Russkii put'. 265–271.
- [Romanov, N. N.], 1924. Beseda byvshego Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego ego imperatorskogo vysochestva velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha s predstavitelem amerikanskoi pechati na Paskhe 1924 g. [Conversation of the former Supreme Commander-in-Chief His Imperial Highness Grand Duke Nikolai Nikolaevich with a representative of the American press at Easter 1924]. In: Kotenko, M. A., Domnin, I. V., select., 2006. *Rossiiskii Zarubezhnyi s"ezd. 1926. Parizh. Dokumenty i materialy* [Russian Foreign Congress. 1926. Paris. Documents and materials]. Moscow: Russkii put'. 200–204.
- [Romanov, N. N.], 1925. Zayavlenie Velikogo Knyazya Nikolaya Nikolaevicha v amerikanskikh gazetakh [Statement of the Grand Duke Nikolai Nikolaevich in American newspapers]. *Vozrozhdenie*, 1.

- [Struve, P. B.], 1926a. 14 maya 1926 g. Sobytiya v Pol'she [May 14, 1926 Events in Poland]. *Vozrozhdenie*, May 14.
- [Struve, P. B.], 1926b. 18 maya 1926 g. Pol'skii perevorot [May 18, 1926 Polish coup]. *Vozrozhdenie*, May 18.
- [Struve, P. B.], 1925a. 3 sentyabrya 1925 g. [September 3, 1925]. *Vozrozhdenie*, September 3.
- [Struve, P. B.], 1926c. 3 yanvaryaya 1926. Fashistskii dukh [January 3, 1926. Fascist spirit]. *Vozrozhdenie*, January 3, 1.
- [Struve, P. B.], 1925b. Demokratiya i konservatizm [Democracy and conservatism]. *Vozrozhdenie*, July 16.
- [Struve, P. B.], 1925c. Osnovy national'noi platform [Fundamentals of the national platform]. *Vozrozhdenie*, August 28.
- [Struve, P. B.], 1926d. Otkrytie Rossiiskogo Zarubezhnogo S"ezda. Pervoe zasedanie. Rech' [Opening of the Russian Foreign Congress. First meeting. Speech]. *Vozrozhdenie*, April 5, 3.
- [Struve, Petr], 1925e. 10-go noyabrya 1925 g. [November 10, 1925]. *Vozrozhdenie*, November 10, 1.
- [Struve, Petr], 1925f. 12-go avgusta 1925 goda [August 12, 1925]. *Vozrozhdenie*, August 12, 1.
- [Struve, Petr], 1925g. 12-go iyunya 1925 g. [June 12, 1925]. *Vozrozhdenie*, June 12, 1.
- [Struve, Petr], 1925h. 12-go sentyabrya 1925 g. [September 12, 1925]. *Vozrozhdenie*, September 12, 1.
- [Struve, Petr], 1925i. 14 avgusta 1925 g. [August 14, 1925]. *Vozrozhdenie*, August 14, 1.
- [Struve, Petr], 1926c. 14 aprelya 1926 goda. Mussolini v Tripoli [April 14, 1926. Mussolini in Tripoli]. *Vozrozhdenie*, April 14, 1.
- [Struve, Petr], 1926d. 17 aprelya 1926 g. Zarubezhnyi S"ezd i vneshnii mir [April 17, 1926. Foreign Congress and the outside world]. *Vozrozhdenie*, April 17, 1.
- [Struve, Petr], 1925j. 18 iyunya 1925 g. [June 18, 1925]. *Vozrozhdenie*, June 18, 1.
- [Struve, Petr], 1925k. 18-go sentyabrya 1925 g. [September 18, 1925]. *Vozrozhdenie*, September 18, 1.
- [Struve, Petr], 1925l. 19-go avgusta 1925 g. [August 19, 1925]. *Vozrozhdenie*, August 19, 1.
- [Struve, Petr], 1925m. 21-go avgusta 1925 g. [August 21, 1925]. *Vozrozhdenie*, August 21, 1.
- [Struve, Petr], 1925n. 21-go oktyabrya 1925 g.: Evreiskaya kolonizatsiya Rossii [October 21, 1925: Jewish colonization of Russia]. *Vozrozhdenie*, October 21, 1.
- [Struve, Petr], 1925o. 23 iyunya 1925 g. [June 23, 1925]. *Vozrozhdenie*, June 23, 1.
- [Struve, Petr], 1925p. 27 iyulya 1925 g. [July 27, 1925]. *Vozrozhdenie*, July 27, 1.
- [Struve, Petr], 1925q. 29 iyulya 1925 g. [July 29, 1925]. *Vozrozhdenie*, July 29, 1.
- [Struve, Petr], 1925r. 30-go iyulya 1925 g. [July 30, 1925]. *Vozrozhdenie*, July 30, 1.
- [Struve, Petr], 1925s. 31-go dekabrya 1925 g. Fashisty i pechat' [December 31, 1925 Fascists and the press]. *Vozrozhdenie*, December 31, 1.
- [Struve, Petr], 1925t. 4-go iyulya 1925 g. [4th July 1925]. *Vozrozhdenie*, July 4, 1.
- [Struve, Petr], 1925u. 6 avgusta 1925 g. [August 6, 1925]. *Vozrozhdenie*, August 6, 1.
- [Struve, Petr], 1926e. 7 aprelya 1926. Privetstvie [Zarubezhnogo S"ezda] vel. kn. Nikolayu Nikolaevichu [April 7, 1926. Greetings from the [Foreign Congress] to Grand Duke Nikolai Nikolaevich]. *Vozrozhdenie*, April 7, 1.
- [Struve, Petr], 1926f. 7 maya 1926 g. Sud i ulitsa [May 7, 1926. Court and street]. *Vozrozhdenie*, May 13, 1.
- [Struve, Petr], 1925v. Beseda vel. kn. Nikolaya Nikolaevicha s redaktorom "Vozrozhdeniya" [The Talk of Grand Duke Nikolai Nikolaevich with the editor of "Renaissance"]. *Vozrozhdenie*, June 20, 1.
- [Struve, Petr], 1925w. Dnevnik politika. 35. Znachenie i znachitel'nost' Mussolini i fashizma [Diary of a politician. 35. Meaning and significance of Mussolini and fascism]. *Vozrozhdenie*, December 19, 1.